

4. Кадровое наступление (май-декабрь 1985 г.)

604

Несмотря на успехи реформистского курса, вскоре после апрельского Пленума Генсеку дали понять, что в политике следует делать упор на «меры по наведению порядка», а не на опасные «перестроечные» эксперименты. 5 мая Горбачев выступал на торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов. Заседание было посвящено сороковой годовщине победы в Великой Отечественной войне. В речи Генсека были и такие слова: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководила партия, ее Центральный Комитет, Государственный Комитет Оборона во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным»⁷³. Внезапно слово «Сталин» потонуло в бурных аплодисментах. Ряды маршалов и генералов, сидевших в зале, вставали и ритмично хлопали в ладоши. Овацию поддерживали тысячи присутствовавших партийных работников и ветеранов. Она была адресована не Горбачеву, она была адресована Сталину.

Было заметно, что на какое-то мгновение Горбачев просто опешил. Он явно не ожидал, что уважительное упоминание его предшественника вызовет такую реакцию. Генсеку откровенно дали понять — партийная элита поддерживает курс на «поддержание порядка». Именно «порядок» выделялся гарантом нового «большого скачка».

И Горбачев говорит только что аплодировавшей имени Сталина аудитории о таком «большом скачке»: «В сжатое время, в короткий исторический срок мы обязаны выйти на самые передовые рубежи производительного труда, качества продукции, эффективности производства в целом. Таково властное требование дня. Основной путь достижения этой цели — научно-технический прогресс»⁷⁴. Однако, очаровывая слушателей вдохновляющей картиной «второй индустриализации», Горбачев продолжает упоминать о преобразовании хозяйственного механизма и даже бросает в аудиторию западный термин: «Народ... достойно ответит на любой вызов, который бросает нам время»⁷⁵. Аудитория, незнакомя с теорией «вызовов», приветствовала этот пассаж продолжительными аплодисментами. Но Горбачев почувствовал, что вызов бросили ему.

Проведение сколь-нибудь решительных преобразований было невозможно до изменения состава высшего руководства страны. Да и Романов, курировавший как раз высокотехнологичные отрасли, мог усилиться на волне планировавшегося индустриального скачка и снова вступить в соперничество с победившей коалицией. Поэтому следовало продолжать начатое на апрельском Пленуме кадровое наступление. Горбачев решил нанести визит в бывшую «вотчину» Романова — Ленинградскую парторганизацию, которой уже с 1983 г. управлял сторонник Горбачева Зайков.

ЗАЙКОВ Лев Николаевич

1923 г. рождения. Во время войны работал на заводе. В 1957 г. вступил в КПСС. В 1961 г. стал директором завода. В 1963 г. закончил Ленинградский инженерно-экономический институт, работал директором, генеральным директором производственно-технического и научно-технического объединений. В 1971 г. удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1976 г. стал председателем исполкома Ленинградского горсовета. Зайков был типичным вы-

движенцем директорского корпуса, пробившимся из народа. Руководя хозяйством Ленинграда при «крутом» Романове, Зайков отдалялся от партийного босса. В 1983 г. Зайков был оставлен во главе партийной организации «второй столицы» после ухода Романова в Москву, но стал ориентироваться на оппонентов бывшего шефа. В июле 1985 г. назначен секретарем ЦК КПСС. В 1987—1990 гг. — первый секретарь Московского горкома партии. Член Политбюро ЦК КПСС в 1986—1990 гг.

Однако в 1983—1985 гг. Зайков не мог проводить в Ленинграде заметных кадровых чисток, поскольку Романов оставался одной из сильнейших фигур в партии. Визит Горбачева должен был покончить с этой ситуацией. В своей речи 17 мая он намекнул на «недемократизм» бывшего соперника...

Ленинград был традиционным для советской истории местом возникновения оппозиций. Второй по значению город страны, бывшая столица, скептически воспринимал исходящие из Москвы решения. Поэтому именно ленинградцев Горбачев решил прежде многих других вдохновить на грядущие свершения. Здесь Генсек занялся популяризацией «нового курса», излагая его «своими словами».

«Первым актом гласности можно, думаю, считать мою поездку в Ленинград в мае 1985 года... Впервые многое из того, что содержалось в неопубликованных материалах мартовского и апрельского Пленумов ЦК, о чем говорилось “в закрытом порядке” в партийных верхах, было “выплеснуто” на всех»⁷⁶. К удивлению и удовлетворению публики Горбачев говорил сам, не зачитывая текст. Относительно радикальная критика сложившейся в стране ситуации сочеталась здесь со сверхоптимистическими надеждами на будущее. Рубежи рывка виделись самые смелые — сделать всю продукцию конкурентоспособной на мировом рынке⁷⁷. Речь уже шла не о валовых, а о качественных показателях. Но критерием качества, таким образом, становился западный рынок с его «чуждыми социальными законами».

Этим своим высказыванием Горбачев признавал, что пока значительная часть советской продукции уступает по качеству западной. Но не за горами то время, когда каждый ленинградец (и каждый советский человек) сможет купить в магазине вещи, произведенные на уровне мировых стандартов. От такой перспективы действительно могло захватить дух. Но до воплощения этого «неохрущевского плана» было еще далеко. И в 1985 г. это стало еще очевиднее. Так, в серийное производство поступили отечественные компактные компьютеры БКОО-10 и «Агат», отстававшие от западных «персоналок» «на порядки». Советские «Агаты» запоминали 30 страниц текста⁷⁸. Несмотря на то, что СССР еще в 60-е гг. шел в ногу с Западом в области электроники, сверхцентрализованная экономика не отреагировала на перспективное направление персональных компьютеров, бесконечно отстав в этой области. Последствия этого будут иметь стратегический характер.

После возвращения Горбачева из Ленинграда Романов уже не показывался на публике. Его не было и на важнейшем совещании по научно-технической политике (хотя эта область формально относилась к его епархии). В мае Горбачев обсуждал с членами Политбюро возможности отстав-

ки Романова, предъявляя ему несколько абстрактные обвинения в отсутствии «хороших контактов с оборонными министерствами» и «некорректном поведении в некоторых зарубежных поездках». «Думаю, что все понимали — им двоим не ужиться в Политбюро», — комментирует Воротников⁷⁹. 1 июля Пленум ЦК отправил Романова на пенсию «в связи с состоянием здоровья». 62-летний ветеран после этого проживет еще достаточно долго, сочтя за лучшее не вмешиваться в противоборство на кремлевском Олимпе, и раскол не имел организационных последствий. Но победа антимилиитаристской линии в руководстве становилась все более очевидной. Уже в середине 1985 г. Горбачев стал прощупывать и возможности радикального сокращения верхушки военного ведомства⁸⁰. Получив доступ к относительно объективной информации о военных расходах, Горбачев окончательно утвердился в мысли, что в сокращении вооружений содержится грандиозный источник ресурсов для последующих преобразований: «Оказалось, что военные расходы составляли не 16, а 40(!) процентов госбюджета, продукция ВПК — не 6, а 20% валового общественного продукта. Из 25 млрд. рублей обоих расходов на науку — около 20 млрд. шло на военно-технические исследования и разработки»⁸¹.

Тот же июльский Пленум избрал полным членом Политбюро Э.Шеварднадзе, который на следующий день был назначен министром иностранных дел. Прежний министр Громыко был перемещен на высший государственный пост в стране, став Председателем Президиума Верховного Совета. Старик Громыко уже не мог оперативно перемещаться по свету, чего требовал новый, более динамичный курс.

Но его влияние на выработку политики должно было быть сохранено. Горбачев не получил в свои руки традиционного совмещения высшего государственного и партийного постов. Похоже, это вызывало недовольство Генсека — предлагая Громыко на высший государственный пост, Горбачев, по словам А.Черняева, «охарактеризовал его очень сдержанно, не оплатил за громыковскую речь на мартовском Пленуме...»⁸²

На июльском Пленуме произошло еще два немаловажных назначения. Секретарями ЦК были избраны Л.Зайков и Б.Ельцин.

В июле 1985 заведующим отделом пропаганды был назначен А.Яковлев. К этому времени он был уже самым радикально настроенным человеком в высшем руководстве КПСС. Если верить воспоминаниям самого Яковлева, в это время он направил Горбачеву записку, в которой предлагал разделить КПСС надвое для создания в стране политической конкуренции⁸³. Такое предложение в условиях 1985 г. несло смертельную опасность для карьеры Яковлева. Не удивительно, что Горбачев не дал проекту ход. Однако Яковлев продолжал в осторожной форме обсуждать проект раздела партии с сослуживцами. Г.Смирнов вспоминает, что Яковлев говорил о многопартийности как о перспективе ближайшего будущего. «Тут уж я не сдержался и заявил: “Ну, до этого тебе не дожить”. Ответ был не менее поразительным: “Почему не доживу? Вполне могу дожить”»⁸⁴.

В то же время заведующим общим отделом ЦК стал А.Лукианов.

Горбачев продолжал формировать свою команду, которая должна была прийти на смену андроповской. Это была не последняя команда Горбачева. Однако люди, которые через несколько лет окажутся «за бортом» и будут писать обидные мемуары о Горбачеве, еще не знали одной черты Генсека, о которой его охранник В.Медведев стал задумываться после эпизода, произошедшего уже в 1985 г.: «Горбачев полностью сменил охрану. Конечно, дело его — с кем работать... Но эти ребята служили ему верой и правдой с 1978 года, то есть семь лет... Убрав их, он ни о ком не позаботился. Такое отношение у нас как-то не было принято... Я еще не знал тогда, что Михаил Сергеевич — голый политик, в людях людей не видит, что несколько лет спустя он будет бесконечно тасовать свое политическое окружение, бросая и левых, и правых, некоторых из них снова приближая и снова бросая. В конце концов бросили его — они»⁸⁵.

Вскоре после сессии Верховного совета 2 июля начались перемещения и в правительстве. По замечанию Р.Медведева, «после консолидации своей власти на апрельском Пленуме Горбачев приказал заменить больше министров за лето, чем Андропов за 15 месяцев своего правления.

Становилось ясно, что Тихонов не принимает активного участия в работе правительства, несмотря на то, что он все еще оставался премьер-министром. Это, возможно, означало, что в Политбюро были некоторые противоречия относительно его преемника»⁸⁶. Это не совсем соответствует действительности — Тихонов продолжал активно работать. 23 мая он выступил с докладом об основных направлениях экономического развития на Политбюро. Впрочем, уже сам доклад был использован Горбачевым для критики давнего противника⁸⁷. Но уговорить Тихонова уйти в отставку («по состоянию здоровья») удалось только в сентябре.

По мнению Ж.Медведева, на пост премьера претендовали Г.Алиев, Н.Рыжков и В.Воротников. Горбачев вспоминает, что «при обсуждении кандидатур на пост предсовмина всплывали многие имена, но в конце выбор свелся к двум: Рыжков и Воротников»⁸⁸. Кандидатура Г.Алиева автоматически отпадала после назначения Шеварднадзе (назначение двух кавказцев на ключевые посты противоречило основам национальной политики, сложившейся в постсталинский период). Алиев получил пост первого заместителя Председателя Совета Министров, курировавшего транспортную систему. Два других претендента были настроены технократически, имели инженерное образование. Они относились скорее к реформистскому направлению, но практический опыт руководства делал их прагматиками, скептически относившимися к любым кампаниям.

Воротников был человеком, обладавшим также опытом руководства правительством РСФСР. К тому же он имел более широкий кругозор как бывший дипломат. Как бывший посол на Кубе он был теснее связан с КГБ.

Тем не менее 27 сентября Председателем Совета Министров СССР был назначен Н.Рыжков. На этот выбор повлияли скорее всего два обстоятельства. Во-первых, ключевым направлением экономической политики становится научно-техническая реконструкция индустрии. Это направление курировалось Н.Рыжковым. Во-вторых, по мнению Ж.Медведева, сыграло

роль и то, что Н.Рыжков был «менее авторитарен»⁸⁹. «Менее авторитарный» Рыжков мог легче договориться с директорским корпусом, на который предстояло сделать ставку на первом этапе «перестройки» экономического механизма. К тому же Горбачеву нужен был исполнитель, личность несколько менее самостоятельная, чем Воротников, опиравшийся также на связи с КГБ и потому способный возражать более решительно в случае разногласий с Генсеком.

Роль Председателя Совета Министров была велика, но ее нельзя переоценивать. Некоторые заметители премьера были членами Политбюро и могли проводить свою политику независимо от воли Н.Рыжкова, так как были равны ему по рангу. Заместители курировали различные блоки правительственной деятельности, так что Н.Рыжков первоначально стал лишь «первым среди равных» в правительственном руководстве, ответственным прежде всего за научно-техническую политику. 15 октября был назначен новый председатель Госплана Н.Талызин, а в ноябре — еще один заместитель председателя В.Мураховский, которому предстояло возглавить Госагпром СССР — воплощение аграрной программы Горбачева.

Выдвигая на вершины власти новых «сильных людей», Горбачев стремился поддерживать равновесие между ними. На апрельском Пленуме вторым человеком в партии стал Лигачев. Но престижный доклад к юбилею Октябрьского переворота было поручено читать Чебрикову. Шеф КГБ отметил в своей речи, что на протяжении истории советского государства встречались «сложные периоды». Одним из них был прошедший этап развития. В 70-е гг., «хотя поступательное движение и продолжалось, в стране накапливались проблемы, а задержки с их решением влекли за собой экономические и социальные трудности». Для выхода из положения необходим «решительный перелом», которому продолжают мешать кадры, привыкшие работать по-старому⁹⁰.

Но справиться с этими «кадрами» было не так-то просто. Во время поездки на Украину Горбачев обрушился на руководство республики, а с самим Щербицким у него состоялся «острый разговор»⁹¹, который в других условиях мог закончиться снятием генсека Украины с поста. Но Щербицкий в то время был слишком силен даже для Горбачева и остался в своем кресле.